

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Белоносова И.В.

ФГБОУ ВПО «Красноярская государственная академия музыки и театра», Красноярск, РФ (660049 г. Красноярск, ул. Ленина, 22), e-mail:irinabelay@bk.ru

В статье рассматривается процесс формирования культурного пространства Забайкалья как результат культурной интеграции русского и бурятского этносов. Приводятся примеры из истории заселения территории современной Бурятии и Забайкальского края, сопоставляются факты исторически отдаленных друг от друга событий, подтверждающие процесс взаимовлияния и обогащения различных культур, привлекается обширный материал из истории художественной культуры региона (литературы, живописи, музыки). Актуальность обращения к проблеме культурного пространства в конкретном регионе на современном этапе объясняется необходимостью изучения механизмов функционирования стабильно развивающихся социокультурных систем, представляющих многонациональное культурное целое. Неизбежность вхождения в начавшиеся процессы глобализации рассматривается в исследованиях различных областей экономики, культуры, в том числе в области образования. Продуктивный путь для преодоления негативных последствий глобализации – «включиться в мировой процесс глобализации, обогатив его теми национальными ценностями и достижениями, которые востребованы мировой культурой». Это означает, что любые новации необходимо рассматривать в контексте опыта мирного сосуществования, накопленного народами России в течение столетий, что способствовало формированию на различных территориях поликультурной анклавной ментальности.

Ключевые слова: культурное пространство, Забайкалье, «звериный стиль», первооткрыватели Сибири, фольклорные традиции, казаки, семейские, гэсэриада, шаманизм, Ф. Бальдауф, Н. Рерих, Б. Ямпиров.

INTEGRATION PROCESSES IN THE CULTURAL SPACE TRANSBAIKALIA: PAST AND PRESENT

Belonosova I.V.

Krasnoyarsk State Academy of Music and Theatre, Krasnoyarsk, Russian Federation (660049 Krasnoyarsk, Lenina, 22), irinabelay@bk.ru

This article discusses the formation of cultural space as a result of the Transbaikal cultural integration of Russian and Buryat ethnic groups. Examples from the history of settling the territory of modern Buryatia and Trans-Baikal Territory, compared facts historically far apart events, confirming the process of mutual enrichment and different cultures, extensive material drawn from the history of the region's artistic culture (literature, painting, music). Urgency of addressing the cultural space in a particular region at this stage due to the need of studying the mechanisms of functioning of the steadily developing socio-cultural systems, representing multinational cultural whole. Inevitability of entering the beginning of the process of globalization is seen in studies of various sectors of the economy, culture, including in the field of education. Productive way to overcome the negative effects of globalization – "involved in the process of globalization of the world, enriching it with those national values and achievements that are demanded by world culture". This means that any innovation must be considered in the context of peaceful coexistence experience gained peoples of Russia for centuries, which contributed to the formation in different areas of multicultural enclave mentality.

Keywords: cultural space, Trans-Baikal region, "animal style", explorers of Siberia, folk traditions, the Cossacks, Semeiskie, Geseriada, shamanism, F. Baldauf, Nicholas Roerich, Boris Yampilov.

Проблема научного осмысления категории «культурное пространство», «пространство культуры» является актуальной для гуманитарных наук и получает теоретическое обоснование в различных исследованиях западноевропейских и отечественных ученых. Так, в первом разделе «Теоретические проблемы культурологии» учебного пособия 2005 года С.Н. Иконниковой «История культурологических теорий» вся

вторая глава «Культурное пространство как ценность и национальное достояние» целиком посвящена анализу тенденций в культурном пространстве России, архитектонике культурного пространства и т.п. Второй раздел «История культурологии в лицах: биографии и творчество» содержит сведения о выдающихся ученых И.Г. Гердере, Э. Тэйлоре, Н.Я. Данилевском. Данная статья не ставит целью анализ содержания концепта «культурное пространство», поскольку это понятие достаточно широко используется в научном сообществе [1-10]. Однако следует отметить, что оно неразрывно связано с понятием времени и рассматривать события, происходящие в его рамках вне временных границ, не имеет смысла. Кроме того, понятие «культурное пространство» содержит в себе множественность разноплановых культурно-временных, культурно-географических, культурно-этнических пластов.

Сопоставление отдельных фактов из истории Забайкалья, территория которого охватывает Забайкальский край (ранее – Читинскую область) и Бурятию, с событиями современности позволяет создать своеобразную «панораму» его культурного пространства, уловить механизм взаимодействия Прошлого с Настоящим.

История хозяйственного освоения и политического присоединения обширной территории за Уралом, в частности, Забайкалья, начиная с XVII в. представляет собой пример сложного, относительно мирного взаимопроникновения, диалога культур местного населения и заселявших Сибирь народов из России, в результате чего стало возможным их взаимовлияние, прежде всего на бытовой, производственно-экономической основе.

Территория Забайкалья располагается в центре Евразии и характеризуется особыми природными и географическими условиями, суровым резко континентальным климатом. В 1983 г. археологам удалось найти подтверждение присутствия древнейших людей на территории Забайкалья в одном из оврагов с. Урта Улетовского района (Забайкальской области).

Традиционное искусство эпохи ранних кочевников народов Центральной Азии пристально изучается и в наше время. Анализ изображений «звериного стиля» с их особой деформацией – свернутые в кольцо, перекрученные, гиперболизированные в деталях глаза, голова, уши животных и пр. – позволяет сделать вывод о характере изобразительных деталей, композиционных приемах этого стиля. Ученые делают выводы об особом – «буйном, беспокойном, неуравновешенном, игнорировавшем смертельную опасность» – поведении участников облавных охот. Облавщики вступали в рукопашные схватки со зверями, ловили и стреножили их, связывали все четыре лапы, а морду с завязанными челюстями подтягивали к этому узлу. Появление искусства «звериного стиля» как искусства «экспрессивных» деформаций связывают с психическими особенностями всадников-воинов

и охотников в эпоху, когда отсутствовали стремена и жесткие седла. С исчезновением конных воинов-охотников исчез и «звериный стиль». Но в середине I тыс. до н.э. он превращается в орнаментально-декоративный стиль, где формируется символика бурятского орнамента, позволяющая мастеру делать важные смысловые акценты при выборе узора: фигуры благожелательного характера, фигуры – пожелания удачи всаднику, быстроты и неутомимости коню, фигуры – пожелания счастья, успеха, здоровья – сохраняют свое значение до настоящего времени.

С момента возникновения «звериного стиля» исходным его элементом стал «роговидный завиток и его производные (з-видная, сердцевидная фигуры, трилистник и т.п.), в особенности мотив парных рогов, ставшие впоследствии основой орнаментальной системы бурят и других кочевых народов». Это – символ домашних животных.

Среди работ современных бурятских художников приверженностью к традициям «звериного стиля» отмечены работы Даши Намдакова – российского скульптора, графика и ювелира, Лауреата премии «Ника» за работу в фильме «Монгол».

До середины XVII в. в Забайкалье проживали многочисленные кочевые народности со своей многовековой историей: хунны, тюрки (уйгуры и монголы). К приходу русских на земли бурят здесь сформировалось несколько монголоязычных племенных групп, крупнейшими из которых были эхириты, булагаты, хори и хонгодоры.

Вхождение Забайкалья в сферу российской цивилизации с ее пашенным земледелием, устойчивой государственностью, христианской идеологией, городской культурой и книжной грамотой происходило достаточно стремительно. Российские служилые люди за одно-два поколения вышли к Тихому океану, отметив свой путь острогами-форпостами.

В 1638 г. из Енисейска был отправлен отряд из 36 человек во главе с Максимом Перфильевым для «проведования новых неясачных землиц». За плечами Перфильева – казака-землепроходца, строителя Енисейского острога, подъячего, а впоследствии сотника стрелецкого – уже был поход с В. Тюменцем из Енисейска вверх по Ангаре на территорию современной Бурятии.

От Перфильева енисейским воеводам и царю стало известно, что дауры добывают медные и серебряные руды. Эти сведения дали толчок раннего продвижения русских в Восточное Забайкалье, а оттуда – в районы тундры и лесотундры, а затем на юг, в верховья Амура. Судьбоносным для Даурии стал 1653 г., когда Петр Бекетов – сотник стрелецкий из Енисейска – построил два русских форпоста: Иргенский и Шилкинский. Именно это обстоятельство стало решающим для русской казны, в которой немалую долю стала играть забайкальская «мягкая рухлядь» и «даурское серебро и золото». Заложив Иргенский острог, Петр Бекетов продолжил поход со своим отрядом и вышел к долине реки Ингоды, где зимой

было заложено Ингодинское Зимовье. Бекетовым было совершено великое открытие – путь, проложенный им от озера Иргень до реки Ингоды, стал впоследствии частью Сибирского тракта, а Ингодинское Зимовье – основой будущего города Читы.

Память о Максиме Перфильеве сохранилась в топонимике Забайкалья. До сих пор на Байкале (Кабанский район республики Бурятия) стоит село Максимиха на речке Максимихе. Названия селу и речке были даны в память о вдове Максима Перфильева – тунгуске, слывшей доброй и отзывчивой. Звали ее по традиции того времени по имени мужа – Максимиха. По-иному отметили память о Максиме Перфильеве в г. Братске. В 2006 г. городе была создана экспозиция «Ангарская деревня», где фигура казака Перфильева, выполненная реставратором А. Хомченко, помещена в воссозданном искусственно Братском остроге.

Петр Иванович Бекетов – основатель города Читы, центра Забайкальского края – внес огромный вклад в освоение Сибири. В 2008 г. в Чите в год 355-летия со дня основания города на Театральной площади был установлен трехметровый монумент Бекетова, выполненный известным российским скульптором А. Мироновым. Идея открытия памятника Бекетову возникла в начале 1950-х годов.

С приходом русских на обширной территории за Байкалом формировался своеобразный забайкальский диалект русского языка, в котором содержалось множество русифицированных эвенкийских (тунгусских), бурятских слов (в первую очередь, они относились к сфере охоты, скотоводства и повседневного быта). Многочисленные брачные связи русских с аборигенами способствовали переходу ряда сибирских народов на русский язык. Первоначально это было двуязычие, а затем полная утрата своего языка.

Важным фактором, способствовавшим смешению русского и местного населения, являлись особенности расселения первопроходцев в острогах и зимовьях, находившихся на значительных расстояниях друг от друга. Браки казаков, которые в основном представляли русских в Забайкалье, с представительницами местного населения (бурят и эвенков) открыли путь широкому взаимопроникновению культур и традиций в целом.

В результате смешанных браков возникло местное название «карымы» для жителей, у которых в наружности были ярко выражены черты инородцев: «аборигенные антропологические черты: смуглый цвет кожи, значительно выдающиеся скулы, чаще темные волосы». Кроме этого, могли происходить изменения и «психической сферы жизни. Так, например, обрядовая набожность русского населения заменилась слишком ясно и резко языческим суеверием. Сибиряки-забайкальцы особенно выделяются своим суеверием». В среде забайкальцев бытует также определения «гураны» для характеристики определенного типа местного населения.

Одним из первых, кто в поэтической форме воплотил красоту забайкальской природы и историю любви русского юноши Аввана (Ивана) и тунгуски Гайро, был Федор Иванович Бальдауф (1800–1839). Сын горного инженера, он с детства хорошо знал особенности быта, обычаи местного населения, с восторгом и любовью относился к природе Забайкалья. После обучения в Горном корпусе он был направлен на работы в Нерчинск. Сибирская тема в поэзии Бальдауфа отражена в элегии «Вечер на берегу Байкала», стихотворении «К бурятке», поэмах «Шаманка», «Авван и Гайро». Находясь в Нерчинске, Бальдауф имел возможность общаться с именитыми купцами первого в Забайкалье города.

Заимствование русскими элементов быта и культуры бурят и эвенков не означало забвения собственных хозяйственных навыков и приемов, своего культурного облика¹.

Фольклорная традиция русского населения Забайкалья складывалась в соответствии с жанрами русского фольклора: «обрядовая поэзия, эпос, сказка, легенда, быличка, необрядовая лирика, малые жанры фольклора». Анализируя состав эпических текстов в Забайкалье, исследователи указывают на главенствующую роль произведений восточной части Русского Севера или казачьего юга России. Так, по данным Ю.И. Смирнова, только «один текст эпической песни (из 71 записанной) является сибирским по происхождению – это историческая песня «Поход селенгинских казаков». Наиболее значительный вклад в исследования фольклора русского населения Забайкалья внес выдающийся фольклорист, лексикограф Л.Е. Элиасов (1914–1976). Еще в юношеские годы он был знаком с крупнейшими сибирскими фольклористами М.К. Азадовским и А.В. Гуревичем. Фольклорные экспедиции, в частности, в районы Читинской, Иркутской областей, в Бурятию позволили ему в 30–50-е годы XX столетия «зафиксировать сюжеты исторических преданий, бытовавших на территории Забайкалья».

Основу песенного репертуара русских в Забайкалье составляли русские песни, привнесенные выходцами из центральных областей России, Поволжья, Русского Севера и Дона. Наслоение локальных песенных традиций одна на другую объясняется смешанным составом русского населения. До настоящего времени самым массовым и распространенным видом народного искусства в Забайкалье остается лирическая песня: материалы экспедиций с мест, где проживают потомки казаков, свидетельствует о «повсеместном распространении песен лирического содержания». Популярность лирического песенного репертуара у казаков, которые до конца XVII в. составляли основную часть русского населения в Забайкалье,

¹ В статье не затрагивается тема ссылки и каторги, которые являлись частью политики царского правительства при решении проблемы заселения Сибири. Исследователи данного вопроса выделяют два периода в истории ссылки – московский, который был начат практически с первых походов Ермака, и петербургский – с начала XVIII в. Судьба протопопы Аваакума и роль декабристов в Сибири, Нерчинская каторга – тема самостоятельного исследования.

отмечал ещё Л.Е. Элиасов. Особенно популярны были те, в которых пелось о разлуке с любимым человеком.

Песенную традицию забайкальских казаков сохраняет известный в Забайкальском крае и за его пределами Государственный ансамбль песни и пляски «Забайкальские казаки», которым руководит Н.Т. Наконечная – потомственная донская казачка. Казачьи и семейские песни звучат также в исполнении еще одного своеобразного читинского коллектива: фольклорного театра «Забайкалье», которым руководят Е.В. Михайлова и О.И. Корневская. Среди песен, исполняемых названными коллективами, такие хорошо известные широкой публике песни, как «Шел казак на побывку домой», «Ой, мороз, мороз», «Ой, да не вечер».

В этническом многообразии Забайкалья среди русского населения выделялась этнокультурная группа, которую принято называть «семейские» – потомки старообрядцев (староверов), поселенных здесь во второй половине XVIII в. В окружении бурят и монголов семейским удалось сберечь свой жизненный уклад, сформировать своеобразный сибирский говор, свою песенную манеру. Песенный репертуар семейских характеризуется локальным колоритом. Особенность многоголосия семейских песен привлекала к ним исследователей фольклора в первую очередь и в результате способствовала их более раннему фиксации в нотных записях. В 1992 г. была выпущена уникальная пластинка «Песни села Урлук. Традиционный фольклор семейских Забайкалья». Редкие, а сейчас уже ставшие уникальными, песни исполнялись хором семейских, созданным еще в 1950-е г. при содействии читинского музыканта Н.Г. Лисина.

История изучения бурятского фольклора берет начало от записок русских и зарубежных путешественников, ученых-востоковедов XVIII в. К этому периоду по хозяйственному укладу и религиозным верованиям буряты делились на западных (предбайкальских) оседлых скотоводов, исповедовавших шаманизм, и восточных (забайкальских) полукочевых скотоводов, которые в XVII–XVIII вв. приняли ламаизм (северный буддизм). Заслугой первых ученых-ориенталистов можно считать публикации бурятских фольклорных мелодий: в 1741 г. появляется первая нотная запись, сделанная русским путешественником И.-Г. Гмелиным, которую он опубликовал в своем 4-х томном труде «Путешествие через Сибирь». Во второй половине XIX и начале XX в. научный интерес к фольклору бурят отразился в работах Г. Потанина, Г. Цыбикова, А.Руднева и др.

Самым значительным в истории духовной культуры бурят является героический эпос «Гэсэр» – источник для изучения древней культуры народа. Важное место героический эпос «Гэсэр» занимает в работах выдающегося востоковеда Ю.Н. Рериха, исследователя эпического наследия кочевых народов Центральной Азии. Интерес к Гэсэриаде проявлял и отец Юрия Николаевича – художник Николай Рерих. Как публицист, Николай

Константинович в своих очерках выделял в «Гэсэре», прежде всего, его родственность великим эпопеям человечества, его всемирность, разрушающую временные и культурные барьеры». Художественная значимость эпоса для бурятской культуры отразилась и в музыкальном искусстве: на сюжет «Гусэра» были созданы в разные годы балет Ж. Батуева (1967) и опера А. Андреева (2004), поставленные на сцене Бурятского академического театра оперы и балета. Л.Н. Санжиевой написано симфоническое произведение «Балетные сцены по эпосу «Гэсэр» в 3-х частях, неоднократно обращался к образам эпопеи композитор Баир Дондоков. Образы народных сказаний стали основой многих значительных сочинений бурятских композиторов в таких музыкально-театральных жанрах, как опера и балет.

Особое место в фольклоре бурят занимают шаманские обряды. Но, по мнению специалистов, шаманский фольклор до сих пор не изучен достаточно полно. В работах исследователя песенного фольклора бурят Д.С. Дугарова шаманские «призывания» называются песнями религиозного культа, шаманскими песнями, песнями участников коллективного камлания. Широкое распространение шаманизма на территории Сибири и Дальнего Востока связано с тем, что он является «традиционной формой мировоззрения народов Сибири, особой формой видения и познания мира, рассматривающей человека как часть космоса». Являясь одной из форм обрядовых и ритуальных действий, шаманское камлание, по мнению специалистов, может рассматриваться как один из важных компонентов саморегуляции этноса.

Наиболее известным исследованием истоков шаманизма, механизмов воздействия шаманских обрядов, региональных особенностей шаманизма является труд М. Элиаде «Шаманизм: архаические техники экстаза». История шаманизма в Забайкалье полна трагических событий. Укрепление ламаизма XVII в. повлекло за собой практически полное исчезновение шаманизма в Монголии. На территории Бурятии, где с 1712 г. ламаизм был признан официальной религией бурят, все же удалось сохранить сведенные к минимуму в период советской власти шаманские предания. На картине «Шаман» талантливого бурятского живописца, начавшего свою творческую деятельность в 20-х годах прошлого столетия, Ивана Аржикова, с этнографической точностью воспроизведена картина шаманского камлания.

Музыкальный образ исступленного шаманского танца-действия создан выдающимся бурятским композитором Бау Ямпилковым (1916–1989) в одночастной «Эпической поэме», написанной в 1955 г. к 100-летию со дня смерти первого бурятского ученого, философа, этнографа и просветителя Д. Банзарова (1822–1855). Впечатляющий музыкальный образ был создан Б. Ямпилковым благодаря использованию записанного им в 40-е годы подлинного шаманского напева.

Благодаря традиции этнической и религиозной терпимости на территории Забайкалья к началу XX столетия проживали русские, белорусы, украинцы, поляки, татары, евреи, китайцы, корейцы, которые успешно уживались с местным населением. Во второй половине XX в. в северных районах Забайкалья был отмечен приток представителей населения из Средней Азии, Кавказа, Прибалтики.

Рассматривая советский период развития культуры в Забайкалье, следует отметить, что проводимая в государстве политика унификации культуры на всей территории супердержавы на основе европейской модели развития, в частности, в области музыкального творчества, привела к серьезным нарушениям в структуре этнической культуры. Не случайно в настоящее время, в период «религиозного ренессанса», восстанавливаются буддистские дацаны, христианские церкви и часовни, устанавливаются шаманские священные «сэргэ» – символические коновязи. В 2008 г. в Иркутске был создан Совет шаманских общин; в 2011 г. – в поселке Бохан открылся Центр изучения шаманизма; Приольхонье и остров Ольхон считаются одним из сакральных центров шаманского мира. «Возрождение элементов традиционной бурятской культуры и включение их в современную культуру также отчетливо прослеживается как тенденция ее развития. Она проявляется во внимании к различным аспектам этничности, в частности, в популярности компонентов этнической культуры, связанных с религией, в успехах бурятского народного и профессионального искусства и т.д.».

История развития культуры народов на территории Забайкалья убеждает в том, что сохранить свою культурную идентичность – не значит стремиться любой ценой избежать изменений в культуре, либо под лозунгами «этнокультурной ассимиляции» использовать насильственные методы, как в период сталинской модернизации.

Решить проблему сохранения этнокультурного своеобразия всех народов, проживающих в данном конкретном регионе, можно, если только уделять равное внимание сохранению как природных, так и духовных ценностей. Только в процесс углубления культурного взаимодействия и взаимовлияния на базе единой общечеловеческой системы ценностей возможна культурная интеграция. В настоящее время мы наблюдаем все признаки, характерные для этапа восстановления нарушенной целостности культурного пространства. Продолжающиеся процессы согласования национальных форм культуры народов, проживающих в Забайкалье, восстановление и развитие национальных традиций – залог успеха развития региона в целом.

Список литературы

1. Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н. Ценности инновационной деятельности для студентов, экспертов и предпринимателей Красноярска: желаемый идеал, надежды и реальность // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т.4. – № 11. – С. 1507-1525.
2. Замараева Ю.С. Историографический обзор подходов и концепций по проблеме миграции в зарубежных и российских исследованиях XX века // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – Т.3. – № 3. – С. 437-444.
3. Замараева Ю.С. Отношение мигранта и принимающей среды как феномен современной культуры Красноярского края (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации» // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т.4. – № 6. – С. 805-815.
4. Кирко В.И., Копцева Н.П., Кеуш А.В. Эвенкийский муниципальный район Красноярского края – экспериментальная площадка по созданию бизнес-инкубатора // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т.4. – № 8. – М., 1127-1131.
5. Копцева Н.П. Методологические возможности социальной (культурной) антропологии для современных культурных исследований // Философия и культура. – 2012. – № 10. – С. 9-18.
6. Копцева Н.П. Проблема методологии современных культурных исследований: возможности классической британской социальной антропологии // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 89-104.
7. Копцева Н.П. Проведение экспериментального прикладного культурного исследования межкультурной коммуникации: фокус-группы, личное интервью, анкетирование, получение экспертного мнения (на материале исследования Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 410-410.
8. Копцева Н.П., Замараева Ю.С., Сертакова Е.А. Социокультурное исследование культурных потребностей жителей города Красноярска // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т.4. – № 11. – С. 1577-1588.
9. Копцева Н.П., Пименова Н.Н., Резникова К.В. Сохранение и развитие коренных народов циркумполярных территорий: культурно-антропологический анализ // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – Т.3. – № 5. – С. 649-666.
10. Минеев В.В. Единство теоретико-методологических и методико-практических аспектов преподавания философских дисциплин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5-1. – С. 123-127.

Рецензенты:

Копцева Н.П., д.филол.н., профессор, зав. кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Минеев В.В., д.филол.н., профессор кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.